

«Мы пришли вас вызволять». Как украинцы пропадают в российских колониях

■ [bbc.com/russian/articles/cgekzjykvpko](https://www.bbc.com/russian/articles/cgekzjykvpko)

«Мы пришли вас вызволять». Как украинцы пропадают в российских колониях

О статье

- Автор, Ольга Просвирина и Жанна Безпятчук
- Должность, Би-би-си

В колониях и следственных изоляторах России, а также на оккупированных ей территориях находятся тысячи украинских гражданских. Их задерживали при прохождении фильтрации или прямо на улицах с формулировкой «за противодействие СВО» и закрывали в СИЗО и колонии без обвинений, следственных действий, судов и срока освобождения. Поэтому найти их официальным путем невозможно, а для их вызволения, в отличие от военнопленных, не существует никаких механизмов.

Внимание: текст содержит описание пыток.

«Во всем» признался

Когда Владимира Бузинова спрашиваешь, что было до войны, он на секунду замолкает.

«Я уже и забыл, как это. Жизнь разделилась на две части».

Когда началась полномасштабная война в Украине, Владимир с 24-летним братом Никитой, их матерью и девушкой Никиты Екатериной перебрались в село Михайло-Коцюбинское в 20 километрах от областного центра Черниговской области — в первые дни войны многие черниговцы надеялись переждать обстрелы в этом поселке.

«Но в конце февраля через Михайло-Коцюбинское начали ездить *их* колонны, — вспоминает Владимир. — Наши танки сначала стояли на перекрестке, отбивались, сколько могли. Но силы были неравные. И в начале марта *они* уже заехали в центр села».

Все время, пока российская армия пыталась наступать на Киев, через Михайло-Коцюбинское двигались колонны техники противника. Некоторые сопротивлялись по-своему: старались не выходить из домов и не вступать в диалоги с россиянами, но фиксировали координаты военной техники и отправляли украинским военным. Женщина, которая провела недели в оккупации, рассказала, что закрыла окна своего дома, оставив небольшую щель, через которую следила за военной техникой и две недели считала танки.

«Они [россияне] как получают прилеты по своим колоннам, так сразу по всем селам ищут, кто передает координаты, — говорит Владимир. — 4 марта начали искать и в нашем селе: ходили по всем хатам, допрашивали. И к нам зашли».

В этот момент начался обстрел.

С членами семьи в подвал, чтобы укрыться от обстрела, набилось больше десятка военных, говорит Владимир. Разместившись между мешками с картошкой, россияне проводили урок политинформации: «мы вас пришли вызволять, освободить от вашей власти, а Путин классный».

Когда обстрел закончился, в подвал спустился «старший» — семья Бузиновых так решила по манере общения этого человека, потому что никаких опознавательных знаков на нем не было. Он отобрал телефоны, ушел проверять и быстро вернулся: Владимира, Никиту и их мать тут же вывели на улицу.

«Они начали кричать на нас, говорить, что мы передавали координаты. Показывали какие-то скриншоты с геолокацией». Владимир и Никита настаивали, что никаких сведений не передавали. Им никто не верил. Чтобы «расколоть» мужчин, военные их разделили.

«Никиту увели за деревья. И дальше мы услышали имитацию расстрела. Как они ставили всех, кого поймали, к стенке, и кричали: „Готовься! Целься!“ Только „стреляй“ не сказали. Они привели Катю к Никите, поставили на колени возле него, направили ей в голову автомат. Сказали: „Не признаешься — сейчас эту положим“. Никита мог в чем-то „признаться“, чтобы спасти Катю. Потому что ее отпустили, а нам сказали: „Он все рассказал, ему грозит до 15 лет“.

Всех, кого таким образом схватили российские военные, посадили в машину и увезли. Какое-то время пленных держали в том же селе, в подвальном помещении. Но потом они исчезли навсегда.

«Лучше, если думают, что ты преступник»

Гражданское население — самая уязвимая группа людей во время войны, особенно той, которую одна из сторон продолжает называть «специальной военной операцией». Именно так Россия оправдывает задержание гражданских украинцев — якобы те «противодействовали СВО».

После вторжения в Украину российские власти не делали различий между военнопленными и захваченными гражданскими. Министерство обороны России в ответах на запросы о гражданских подчеркивало, что они «содержатся в соответствии с требованиями Женевской конвенции об обращении с военнопленными».

Комбатанты, наемники, добровольцы. Кто это и в чем между ними разница? 16 июля 2022

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны ничего не говорит о возможности взять гражданских в плен, но запрещает брать заложников. Все, что касается плена, в конвенциях относится исключительно к военным. Гражданских же, согласно действующим международным нормам, можно именно что только задержать, причем «в соответствии с законами и правилами оккупирующей стороны», а также с гарантией на справедливый судебный процесс.

«Раз речь идет о задержании, значит, либо в уголовном кодексе, либо в административном должна быть статья, что „противодействие СВО“ — это административное правонарушение или уголовное преступление. Тогда бы это придало процессуальность статусу этих людей, и мы как правозащитники могли бы направить адвоката. Но на это мне отвечают: „Нет, что вы, мы ни в чем их не обвиняем и не подозреваем, они просто задержаны за противодействие СВО“», — рассказывает юрист Полина Мурыгина, создатель проекта Every Human Being, занимающегося поиском гражданских в российских колониях.

По российским законам задержать человека до судебного решения можно только на 48 часов и по строго установленной процедуре — с оформлением протоколов правомочными лицами. Летом 2023 года этот срок был увеличен до 30 дней для задержаний в условиях военного положения (оно введено указом Владимира Путина в четырех оккупированных регионах Украины — самопровозглашенных ДНР, ЛНР, частях Запорожской и Херсонской областей) — но только если задержанный подозревается в совершении тяжкого преступления или нарушил связанные с военным положением запреты и ограничения.

Но время, место и основание «задержаний» украинцев военными зачастую нигде формально не зафиксированы, уголовные или административные дела не возбуждены, расследование не ведется, следует из решений судов, с которыми ознакомилась Би-

би-си. Человек просто исчезает. И даже найти его в этой системе, не говоря уже о том, чтобы вытащить из нее, очень сложно.

«Помогая таким пленным, мы столкнулись с юридическим парадоксом: лучше, если про тебя думают, что ты преступник», — говорит Мурыгина.

Если человеку предъявлено обвинение, то он начинает существовать в юридическом поле, у него появляются права. Если он военнопленный, его можно обменять. Гражданские же «задержанные» сидят в российских колониях и СИЗО часто без защиты, без обвинений и без суда. Они существуют внутри российской пенитенциарной системы, при этом формально их там нет.

По словам адвоката Марии Эйсмонт, в большинстве известных ей случаев украинских военнопленных и гражданских содержали отдельно от других заключенных. «Исключение составляет „Лефортово“ (московский СИЗО — *Би-би-си*), но там у арестанта если и есть сокамерник, то один, а с другими обитателями СИЗО он не видится даже в коридорах», — говорит она. При этом у тех, кого официально обвинили в преступлениях — в основном это террористические статьи, но не только, право на адвоката признается российской системой правосудия. В такие уголовные дела входят защитники, подтверждает Эйсмонт.

К тем же, кто сидит без обвинений, доступа у адвокатов фактически нет, отмечает она: «Ни мне, ни другим коллегам не удалось найти таких людей и встретиться с ними, несмотря на то, что родственники просили съездить и была информация, где они находятся, и у каждого задержанного есть право на адвоката».

Даже если Минобороны подтверждало, что «задержанный за противодействие СВО» находится «на территории России», назвать место и допустить к нему адвоката военные отказывались до окончания «проверочных мер». Сроков у таких «мер» нет, обжаловать их невозможно.

«Мы пытались обращаться и в военные, и в гражданские суды, — говорит адвокат Леонид Соловьев, который почти два года безуспешно разыскивал харьковского студента. — Правовых инструментов здесь больше не существует, это абсолютно политическая плоскость».

"Езжайте, муж вас догонит". Тысячи украинцев почти год находятся в плену без связи с миром. Как это возможно? 20 января 2023

Исход

Колонна российских военных вышла из Михайло-Коцюбинского 31 марта 2022 года в рамках общего отступления из-под Киева и Чернигова. Украинцы начали доставлять в Черниговскую область еду и воду, а также собирать тела убитых.

Никиты Бузинова среди них не было. Его семья была уверена, что молодой человек выжил, но что случилось с ним дальше — они не знают. Сразу после освобождения Черниговской области Бузиновы начали поиск Никиты.

Они пошли по самому понятному и, пожалуй, единственному доступному пути — рассылали письма через ФСИН-письмо — сервис, позволяющий отправить электронное послание в некоторые колонии и следственные изоляторы.

Это не только удобный способ связи с заключенными, но и возможность для адвокатов, правозащитников и семей найти человека в российской пенитенциарной системе: если адресат находится в колонии, то отправители должны получить подтверждение о доставке письма.

Родственники и друзья Бузинова отправляли письма веерно, пока не получили ответ от белгородского СИЗО-3, подтвердившего, что Никита находится в учреждении. Туда отправился адвокат, но в изоляторе ему сказали, что такого человека у них нет.

Подпись к фото,
Никита Бузинов

21 июня Русская служба Би-би-си отправила два письма в учреждения Белгородской области — в СИЗО-3 и в ИК-4 Алексеевка.

22 июня мы получили ответ из СИЗО-3: «Администрация учреждения СИЗО-3 Белгород извещает: письмо №... прошло цензуру и вручено адресату». Обычно это означало бы, что человек, которому адресовано письмо, действительно находится в этом учреждении.

Но на следующий день точно такой же ответ мы получили из ИК-4 Алексеевка.

10 июля Би-би-си повторила попытку — письма были отправлены в те же учреждения и еще несколько колоний и СИЗО в других регионах, где, по сведениям журналистов и правозащитников, содержатся пленные из Украины.

В большинстве учреждений ответили, что такого заключенного у них нет. Кроме трех, включая все те же СИЗО-3 и ИК-4 Белгородской области, которые еще раз отчитались о доставке.

«Довольно часто бывает так, что я приезжаю, а мне говорят, что человека там нет. Либо к нему просто не пропускают, либо человека реально могли перевести в другое место. Ты же не можешь пройти туда с инспекцией по всем камерам. Приходится руководствоваться тем ответом, который ты получаешь на проходной или в лучшем случае в кабинете начальника», — говорит адвокат Леонид Соловьев.

Примеров успешных поездок, когда защитнику удалось бы встретиться с пленным украинцем, у опрошенных Би-би-си адвокатов нет. Нам известен один случай, когда «задержанного» украинца удалось найти с помощью ФСИН-письма и подтвердить его местонахождение в колонии, но адвоката к нему не пропустили. Дальнейшая судьба мужчины неизвестна.

Мирные «военнопленные»

Проект Every Human Being долго занимался делом 25-летнего Ивана Гончара, жителя Мариуполя, задержанного во время фильтрации на российско-украинской границе в апреле 2022 года. Пытаясь найти молодого человека и отправить к нему адвоката, создательница проекта Полина Мурыгина вступила в переписку с российским Министерством обороны.

«У меня была теория о том, где он содержится. И мы напрямую спросили об этом Минобороны. В ответ получили длинную тираду о том, что Гончар имеет статус „задержан за противодействие СВО“, — говорит Мурыгина.

В ответе ведомства, который есть в распоряжении Би-би-си, говорится, что информацию о местонахождении Гончара не могут предоставить третьим лицам, но он содержится «в соответствии с требованиями Женевской конвенции об обращении с военнопленными». Вот только какое отношение Гончар, никогда не служивший в армии, имел к военнопленным, в Минобороны не пояснили.

Как только украинская армия проводит контрнаступательные операции, российская армия и ФСБ задерживают там гражданских украинцев «за противодействие специальной военной операции», говорит Анастасия Пантелеева, аналитик «Медийной

инициативы за права человека» (МИПЧ). Эта организация документирует нарушения прав человека и военные преступления во время войны в Украине.

«Человека могут арестовать за то, что у него окна в доме выходят на потенциально важный для российских военных участок. И если его обстреливают, то в корректировке огня обвиняют того, кто живет рядом», — говорит Пантелеева.

Так, в ноябре 2023 года, после того как украинские военные закрепились на левом берегу Днепра, МИПЧ получила заявления о новых похищениях украинцев на оккупированном левобережье.

Эти люди продолжают исчезать в тюрьмах на территории, захваченной армией России. Есть свидетельства, подтверждающие, что некоторых узников переводят то в аннексированный Крым, то в Россию. При этом, по словам правозащитников, в крымских СИЗО находятся преимущественно украинцы: Би-би-си поговорила с одним из узников СИЗО-1 и СИЗО-2, который в числе прочего рассказывал о том, что в обоих изоляторах к украинцам относились «как к недолюдям».

Рассказывают освобожденные

Украинские правозащитники, с которыми пообщалась Би-би-си, признают, что больше информации удастся получить именно от освобожденных: либо от обмененных украинских военнопленных, либо от гражданских.

С точки зрения украинского законодательства, гражданский человек, задержанный российскими силовиками на оккупированной территории Украины, по сути, за поддержку своей страны, — это заложник. Такое задержание в условиях оккупации украинской суверенной территории юридически квалифицируется как похищение и взятие в заложники.

В рамках всех обменов пленными, которые произошли между Украиной и Россией во время войны, домой вернулись более 140 гражданских украинцев, говорит омбудсмен Украины Дмитрий Лубинец.

Есть те, кого россияне просто отпустили без объяснений. Сколько точно таких людей, неизвестно.

Освобожденные люди рассказывают о своих сокамерниках или вспоминают имена и фамилии, которые слышали на переключках, обысках, когда людей вывозили на допросы и забирали на этапы.

Именно благодаря показаниям военного, который оказался дома в результате обмена, Юлия Хрипун узнала, что ее отец (Юлия попросила не называть его имя) находился до августа 2022 года в крымском СИЗО. До российского вторжения он работал охранником склада зерна возле Токмака в Запорожской области. Этот склад почти сразу оккупировали российские военные, и мужчина просидел там безвыездно первый месяц войны. Потом его арестовали.

Сначала он оказался в Еленовской колонии Донецкой области, затем его отправили в Курск. Как и в случае с Иваном Гончаром, Россия заявила, что мужчина считается военнопленным, хотя по факту является гражданским человеком.

Из Курска отца Юлии перевезли в СИЗО в Крыму. Украинский военный, сидевший с ним в одной камере, видел, как его куда-то вывели. Была надежда, что мужчину забрали на обмен, но тот так и не вернулся домой. Через четыре месяца после этого дочь получила официальное подтверждение от Красного Креста, что в августе 2022 года отец действительно находился в тюрьме в Крыму.

Где сейчас отец, девушка не знает.

Подпись к фото,
СИЗО-2 в Крыму

Последний крупный обмен военнопленными произошел 3 января этого года — в Украину вернулись шестеро гражданских. Это дает надежду родным пленных и правозащитникам узнать новую информацию об украинцах в российских тюрьмах.

«Простили» вину перед Россией

Одновременно с этим украинские правозащитники ищут другие способы раздобыть информацию о гражданских и местах их содержания.

«Если родные находятся на подконтрольных Украине территориях, то они обращаются в полицию, другие государственные органы, к правозащитникам — [...] предполагая, что их близких могли вывезти в Россию. Этим людей вносят в списки гражданских заложников, даже если пока нет свидетелей их похищения. Так же поступают государственные органы. Но бывает так, что человека внесли в этот список, а потом оказывается, что он погиб. Несколько недель назад в Черниговской области эксгумировали в лесу мужчину, о котором думали, что его отправили в РФ», — делится опытом Анастасия Пантелеева.

Она отмечает, что до октября 2022 года на недавно оккупированных территориях родственники писали в местных социальных сетях сообщения об исчезновении человека и искали свидетелей его похищения — но потом перестали. «Это может быть связано с тем, что Россия взяла под полный контроль эти территории. Люди начали бояться так действовать», — говорит эксперт.

Подпись к фото,
Антон Ломакин

Об еще одном способе найти задержанного в оккупации человека Би-би-си рассказал 29-летний Антон Ломакин, который сам прошел через плен. Его бабушка попросила женщину с российским паспортом, выданным в России, сходить в оккупационную администрацию и спросить, где содержат внука. Это помогло: «своей» такую информацию предоставили. Когда в эту же администрацию обращалась сама бабушка, ей ничего не ответили.

По словам Юлии Хрипун, таким образом находятся единицы. Когда в оккупационных администрациях или органах власти России узнают, что такой человек не является прямым родственником, ему обычно отказывают в ответе.

Антон попал в плен, не сумев уехать после начала полномасштабного вторжения. До этого он работал полицейским в Херсоне, летом 2022-го он прятался и собирал информацию, которую затем передавал ВСУ. По его словам, его сдал напарник, привозивший ему продукты.

«Когда меня везли после задержания, применяли электрошокер по ногам и другим частям тела. По дороге провели имитацию моего расстрела. Меня вывели, я увидел, что передо мной какая-то траншея, яма или окоп — обрыв земли. Меня поставили на колени и сказали молиться, спросили, курю ли я сигареты. Спросили, имею ли что-нибудь еще интересное для них рассказать. Перезарядили автомат. Затем выстрелили

над левым ухом в сторону. Было три-четыре коротких очереди. У одного из собравшихся там зазвонил телефон. Он включил громкую связь. И с той стороны сказали, чтобы меня не расстреливали. Меня увезли обратно».

Антон привезли в изолятор временного содержания на улице Теплоэнергетиков в Херсоне. Там его допрашивали четырежды. По его словам, во время допросов его избивали, угрожали и обливали холодной водой так, чтобы он почти захлебывался.

Свидетельства Антона идентичны тому, о чем рассказывают другие узники этой тюрьмы во время оккупации города.

«Однажды сказали поднять ноги с пятками вверх. Я отказался. Мне приставили автомат к гениталиям и дали выбор. Я, конечно, выбрал ноги. Они взяли две резиновые палки и били очень долго ими по пяткам. Если я опускал ноги, заставляли снова их поднимать. Если они опускались, били по голове и спине», — говорит Антон.

Россия же продолжает утверждать, что пленные содержатся в соответствии с требованиями Женевской конвенции, запрещающей пытки. Би-би-си попросила Минобороны России прокомментировать свидетельства украинцев о бесчеловечном отношении и пытках и ожидает ответа.

Вместе с Антоном в камере сидели еще семеро мужчин: один был бывшим украинским полицейским, другой жил в центре Херсона возле здания, где расположились российские военные. Обоих обвинили в том, что они агенты СБУ. Часть сокамерников не могли объяснить причин своего содержания.

Перед освобождением Херсона Антона Ломакина этапировали в Голую Пристань, где российские оккупационные власти расконсервировали местный изолятор временного содержания — ранее он был закрыт украинскими властями из-за несоответствия европейским стандартам. Из Голы Пристани Антона этапировали в изолятор в Чаплинке в Херсонской области, который также до войны не действовал.

Через 104 дня его выпустили без документов и денег. Мужчину спасло то, что он знал, как добраться до жены одного из заключенных. От нее позвонил бабушке. Вскоре он оказался на свободе в родном Херсоне, на тот момент уже освобожденном.

Десятки, сотни, тысячи

По информации Министерства по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий Украины на ноябрь 2023 года, в российском плену находятся 4337 украинцев. Из них 3574 человека — это военные, 763 человека — гражданские. Украинские власти опираются на данные Красного Креста, но он далеко не всегда получает доступ к местам неволи, где содержатся украинцы в России, не говоря уже об изоляторах и колониях на оккупированных территориях.

Если в так называемых ДНР и ЛНР система тюрем для украинцев создавалась еще с 2014 года, то в оккупированных частях Херсонской и Запорожской областей гражданских пленников держат в отделах полиции или подвальных помещениях.

Украинский уполномоченный по правам человека Дмитрий Лубинец озвучивает другую цифру: 25 тысяч пропавших гражданских украинцев. Значительную часть этих людей могли похитить российские оккупационные силы, считает чиновник, не называя точной цифры. По его данным, похищения на оккупированных территориях продолжаются.

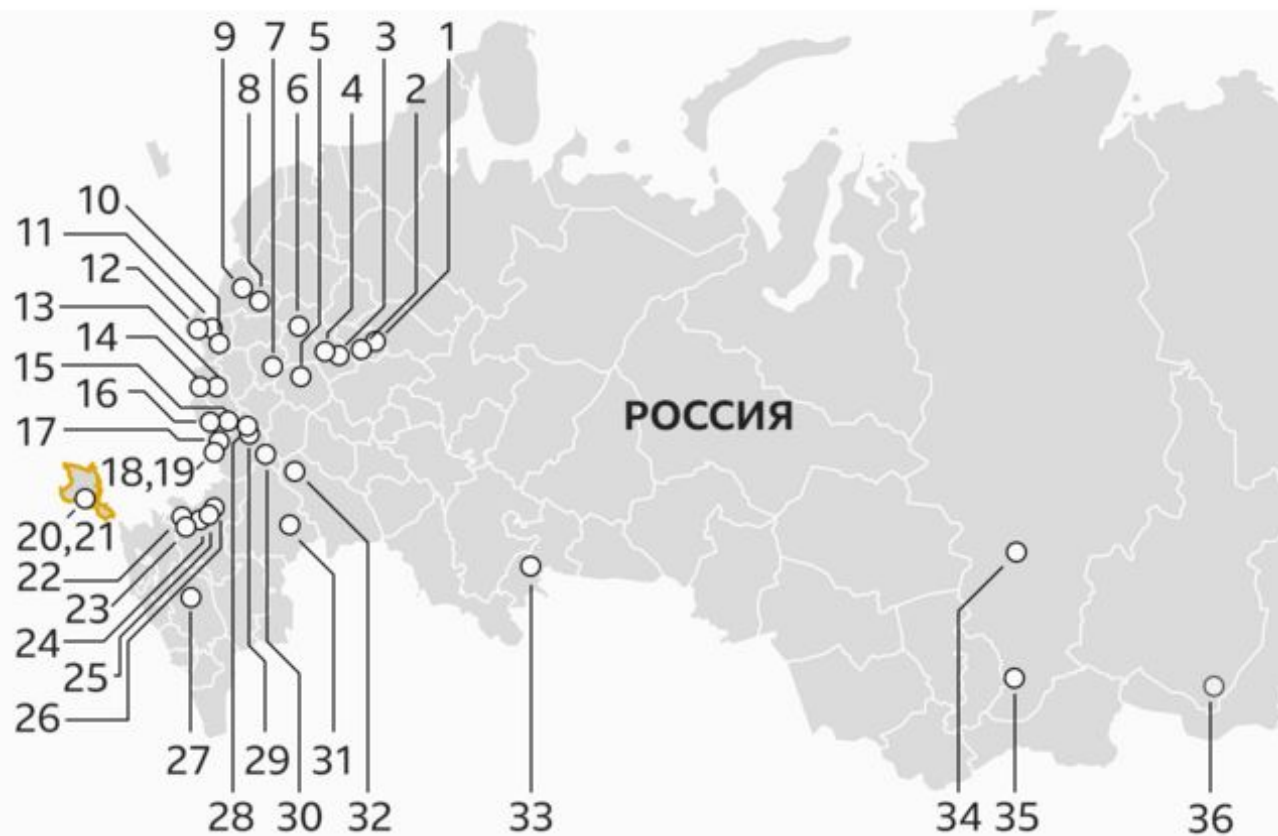
По оценкам проекта по поиску пропавших украинцев «Найти своих», в России, аннексированном Крыму и на оккупированных территориях могут находиться около 7500 гражданских украинцев. По словам его основательницы Екатерины Осадчей, цифра не окончательная, но отражает реальный масштаб проблемы. За время войны волонтерам ее проекта удалось разыскать в местах несвободы около 200 человек.

«Главная проблема — это то, что есть пропавшие гражданские люди, о которых никто нигде не заявлял. То есть нам нужен полный список всех людей, которых похитили и есть свидетели того, что это произошло. Но такого списка нет», — объясняет Анастасия Пантелеева, аналитик «Медийной инициативы за права человека».

Российским и украинским правозащитникам удалось идентифицировать более 30 колоний и СИЗО, из которых поступали сообщения о находящихся в них гражданских пленниках. Но доступа к этим людям нет.

Би-би-си также попросила российское Министерство обороны раскрыть информацию о числе гражданских украинцев, задержанных на оккупированных территориях, а также предоставить список колоний и СИЗО, в которых находятся эти люди. На момент публикации ответа не поступало.

Колонии и СИЗО, в которых держат украинцев

Ивановская область:

- 1. СИЗО-2 Кинешма
- 2. ИК-5 Кохма

Владимирская область:

- 3. ИК-6 Мелехово
- 4. ИК-1 Головино

Рязанская область:

- 5. СИЗО-1 Рязань

Москва:

- 6. СИЗО-2 Лефортово

Тульская область:

- 7. ИК-1 Донской

Смоленская область:

- 8. СИЗО-2 Вязьма
- 9. ИК-1 Анохово

Крым:

- 20. СИЗО-1 Симферополь
- 21. СИЗО-2 Симферополь

Ростовская область:

- 22. СИЗО-2 Таганрог
- 23. СИЗО-1 Ростов-на-Дону
- 24. СИЗО-4 Шахты
- 25. ИК-1 Трудовой
- 26. ИК-12 Каменск-Шахтинский

Ставропольский край:

- 27. СИЗО-1 Ставрополь

Воронежская область:

- 28. ИК-1 Семилуки
- 29. СИЗО-1 Воронеж
- 30. ИК-9 Борисоглебск

Брянская область:

- 10. СИЗО-1 Брянск
- 11. КП-2 Сураж
- 12. СИЗО-2 Новозыбков

Курская область:

- 13. СИЗО-1 Курск
- 14. ИК-11 Малая Локня

Белгородская область:

- 15. СИЗО-2 Старый Оскол
- 16. СИЗО-3 Белгород
- 17. ИК-4 Алексеевка
- 18. ИК-7 Валуйки
- 19. ИК-9 Валуйки

Волгоградская область:

- 31. СИЗО-2 Камышин

Саратовская область:

- 32. Тюрма Балашов

Челябинская область:

- 33. Тюрма Верхнеуральск

Красноярский край:

- 34. Тюрма-2 Енисейск
- 35. Тюрма Минусинск

Иркутская область:

- 36. СИЗО-1 Иркутск

 Россия аннексировала Крым в 2014 году

Источник: Би-би-си, данные правозащитников

«Гражданских берут в плен по разным причинам. Во-первых, хотят изолировать людей, которые могут помогать вооруженным силам Украины, могут смело высказываться, — говорит Пантелеева. — Во-вторых, мы не знаем планов РФ на обмен. Но если бы Украина согласилась менять своих гражданских на военных, это был бы опасный прецедент. Россия могла бы начать брать еще больше гражданских заложников, чтобы вытягивать из плена своих военных. В-третьих, гражданские пленные украинцы — это элемент давления на украинскую власть. С их родственниками со стороны РФ никто не общается. Эти люди могут давить только на украинскую власть».

«У этого не было какой-то цели, я считаю, — рассуждает адвокат Леонид Соловьев на вопрос Би-би-си о том, зачем России держать в плену без обвинений гражданских украинцев. — Просто собирали всех, кто казался им подозрительным. Но отпустить гражданских — это значит признать то, что их держали без оснований, то есть признать ошибку. Такое в России не практикуется. Плюс, возможность пополнять обменный фонд».

Что делает Украина

Кроме родственников, с украинской стороны поиском людей и расследованием их похищений занимаются национальная полиция и офис генерального прокурора Украины. В рамках международного совета экспертов при этом офисе создали подгруппу по гражданским пленным.

«Общественные организации, благотворительные фонды, украинские и международные правозащитники — все собрались в одном месте в этой подгруппе. Мы надеемся, что это даст серьезный толчок для решения проблемы. Также разрабатывается законопроект по гражданскому плену. Но все это довольно сложно, забюрократизировано. Мне бы хотелось, чтобы эти решения были уже приняты позавчера», — рассказывает Екатерина Осадчая, основательница проекта «Найти своих».

Она добавляет, что за последние полгода на уровне государства произошли сдвиги. «Они проявляются в том, что на гражданских пленных обратили внимание и начали с этой проблемой разбираться. Но в смысле возвращения людей из плена сдвигов нет».

Если человек исчез на оккупированных территориях и есть свидетели его задержания представителями РФ, то национальная полиция квалифицирует это как военное преступление. Если же данных недостаточно, «возможна квалификация как „исчезновение при особых обстоятельствах“, в этих делах правоохранители ищут ответы на вопрос, где же сейчас человек, содержится ли он где-то, замучен ли...», — объясняет Ирина Диденко, начальница управления офиса генпрокурора Украины.

Она отмечает, что именно родственники часто дают ценные показания в таких расследованиях: «Наша задача зафиксировать показания и проследить, где может находиться человек сейчас, ведь часто их перемещают из одной пыточной в другую. Да, именно пыточную, ведь 90% удерживаемых подвергаются пыткам».

Автор фото, Суспільне/Тарас Ібрагімов/ВВС
Подпись к фото,
Камера, где держали Антона Ломакина

В международном праве нет конкретного алгоритма, как освобождать гражданских людей из плена. Согласно Женевским конвенциям, военного можно поменять только на военного. Юридически гражданского человека можно освободить, но не обменять на комбатанта, то есть того, кто держал оружие.

«Потенциально наиболее эффективным механизмом освобождения и возвращения гражданских заложников может служить роль государства-покровителя, то есть третьей стороны. Она активно не участвует в войне в Украине и одновременно может иметь диалог с РФ, чтобы подтвердить статус удерживаемых. А в дальнейшем добиться их освобождения», — объясняет Ирина Диденко.

В этом деле, в частности, могут помочь такие страны, как Катар, Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Турция. Те уже договаривались об обменах военнопленными, возвращении депортированных детей, освобождении иностранцев из российского плена. Именно при участии Объединённых Арабских Эмиратов в Украину в рамках последнего обмена пленными удалось вернуть не только военных, но и гражданских.

На ООН надежды нет даже у правозащитников, которые называют механизмы организации «устаревшими» — ведь в ее документах не предусмотрено схем освобождения таких «задержанных».

«Куда мы только ни обращались, — говорит Владимир, брат пропавшего Никиты Бузинова из Черниговской области. — Сначала была детская иллюзия, что международные организации помогут. Думали, что Красный крест, ООН или ОБСЕ будут заниматься... Все, что мы получали от всех организаций: зарегистрировано, принято. Дальше ничего».

Владимир и девушка Никиты Екатерина продолжают поиск. Екатерина, пройдя через угрозы убийства и похищение своего молодого человека, устроилась работать в правозащитную организацию, помогающую военнопленным и гражданским.

Редактор: Полина Романова